

Рождеству оно выросло такое, какъ быкъ! Ну, Моргунъ! моргай, что ли!.. — командовалъ Назаръ Назаровичъ. Моргунъ съ важностью принималъ рюмку, обращался ко всей компаніи со спичемъ, состоявшимъ изъ одного слова: «нехай-же!» и съ достоинствомъ поглощалъ влагу. То же самое дѣлалось въ честь гусака, равно какъ и во имя поруганной чести Параски и всѣхъ прочихъ тяжёбныхъ пунктовъ. Елпидифоровъ безпокойно по-сматривалъ на дверь, такъ какъ судъ былъ далеко еще не въ полномъ составѣ... «И куда ихъ чортъ занесъ»?! мысленно восклицалъ онъ: «день деньской въ кабакъ толкуются, а тутъ вотъ какъ разъ дѣло, и поразбѣгались».

— Хе, хе-э! Вотъ они гдѣ! — раздался на порогѣ густой басъ гусаковского головы Чубаренка, который, какъ должностное лицо, не позволялъ себѣ являться въ кабакъ иначе, какъ съ задняго хода, — за то послѣднее допускалъ довольно часто. Это былъ почтенный высокаго роста мужикъ, лѣтъ за сорокъ, съ смуглымъ обросшимъ лицомъ, съ волосами, начесанными на лобъ и старательно уснащенными деревяннымъ масломъ. Онъ тотчасъ же снялъ и швырнулъ въ уголъ надѣтую «на опашки» свитку и оказался въ пестромъ жилетѣ съ блестящими мѣдными пуговицами и въ темно-полосатыхъ триковыхъ штанахъ вполнѣ нѣмецкаго покроя. — Это что же у васъ тутъ? Могарычъ, что ли? Потому гдѣ уже Дуля сидитъ, тамъ долженъ быть могарычъ!..

— А вотъ и не могарычъ! Не угадалъ, панъ голова! — отвѣтилъ Назаръ Назаровичъ: — А мы тутъ суждѣтъ имѣемъ!

— Объ комъ?

— Присаживайся да прислушивайся! Тутъ, панъ голова, такое дѣло, такое дѣло... что, можно сказать, въ родѣ — какъ послѣднія времена приходятъ!.. Звѣзды померкли!.. Ей Богу! Вотъ послушай!.. Эй, Никаноръ Оедосѣичъ! Какъ бы тамъ скамеечку для пана головы!..

Но панъ голова махнулъ рукой и усѣлся прямо на землю, какъ будто бы онъ былъ не панъ голова, а обыкновенный смертный. Однако Никаноръ Оедосѣичъ на мгновение показалъ свои бѣгающіе глазки, свои бритыя синія щеки и оттопыренные усы, которые онъ носилъ и тщательно оберегалъ, чтобъ сколько-нибудь походить на малоросса, что, впрочемъ, ему не удавалось, и всякій ясно узнавалъ въ немъ потомка израилева.

Андрей обратился къ пану головѣ съ своимъ рассказомъ, а тѣмъ временемъ Елпидифоровъ успѣлъ дважды обнести стаканчикъ и въ тотъ самый моментъ, когда рассказчикъ, у котораго уже покраснѣли уши и щеки и на лбу выступилъ потъ, дошелъ